

К9
Л-50

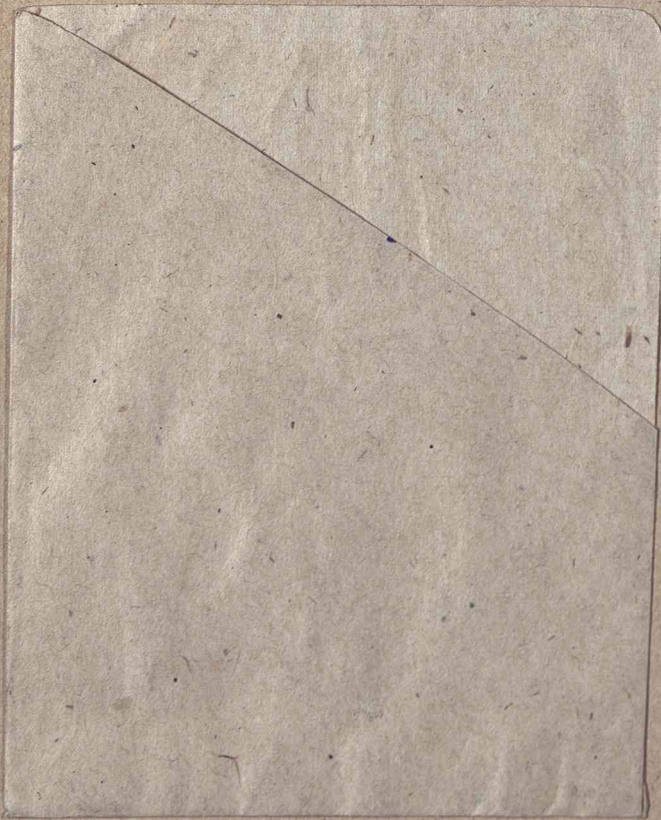
АКАДЕМИЯ НАУК СССР

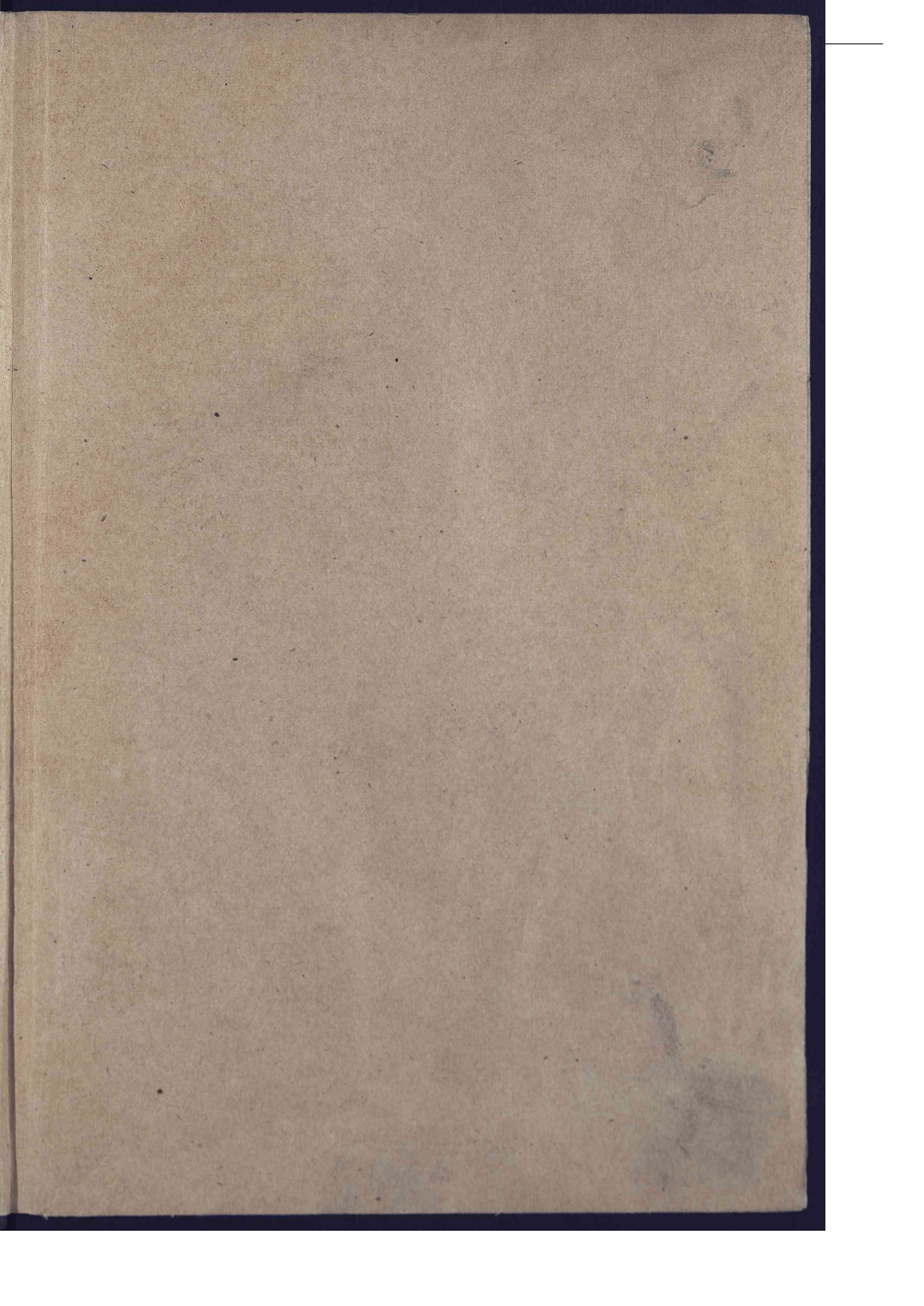
ЛЕТОПИСИ
ХОРИНСКИХ БУРЯТ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

129179

20 APR 1967

11

12

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР И
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ БМАСР

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ БУРЯТ-МОНГОЛИИ . IV

ЛЕТОПИСИ ХОРИНСКИХ БУРЯТ

ХРОНИКИ
ТУГУЛДУР ТОБОВА
И
ВАНДАНА ЮМСУНОВА

ПЕРЕВОД Н. Н. ПОПЕ

ТРУДЫ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
XXXIII

2019

Чувшинская Ред. Центр. Библиотека
9(57.33/004) Л-50
Инвентар № 129179

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА • 1940 • ЛЕНИНГРАД

1944

9(57.33/004)
Л-50
9(с)1
Л50

ПЕРВОИЗДАНИЕ

1955

1955

1950

Чит. Обл. Библиотека
Фонд
наследования

Ответственный редактор акад. А. П. Баранников

1955

Институт истории
и философии
Академии наук СССР

ПРЕДИСЛОВИЕ

Перевод хроник Тугулдур Тобоева и Вандана Юмсунова сделан по нашему же изданию подлинного бурят-монгольского текста этих двух сочинений (см.: *Летописи хоринских бурят*, вып. 1, *Хроники Тугулдур Тобоева и Вандана Юмсунова*. Тр. Инст. востоковед., IX, М.—Л., 1935).

Относительно перевода следует заметить, что мы стремились дать максимально точный перевод. Перевод стилистически не отделан сознательно, так как нам не хотелось слишком удаляться от подлинника. Единственное, что мы себе позволили, — это передачу очень длинных предложений подлинного текста рядом более кратких. Это нам казалось целесообразным в целях большей удобочитаемости перевода.

Работа не носит исследовательского характера и представляет собою только перевод, к которому дан ряд примечаний, содержащих краткие комментарии к некоторым датам и событиям. Примечания эти не являются, однако, историческим исследованием, так как в основном они носят филологический характер. Многие из них дают разъяснения ряда бурят-монгольских слов и терминов, напр., относящихся к области шаманства, но попутно в них сообщаются разные исторические сведения. В примечаниях разъясняются также некоторые имена собственные, в частности даются тибетские названия дацанов Бурятии. Правильные тибетские написания этих названий дацанов нами почерпнуты из неизданной рукописи летописи Тобоева, а часть их нам любезно сообщил Б. И. Панкратов, что мы считаем необходимым здесь с благодарностью отметить.

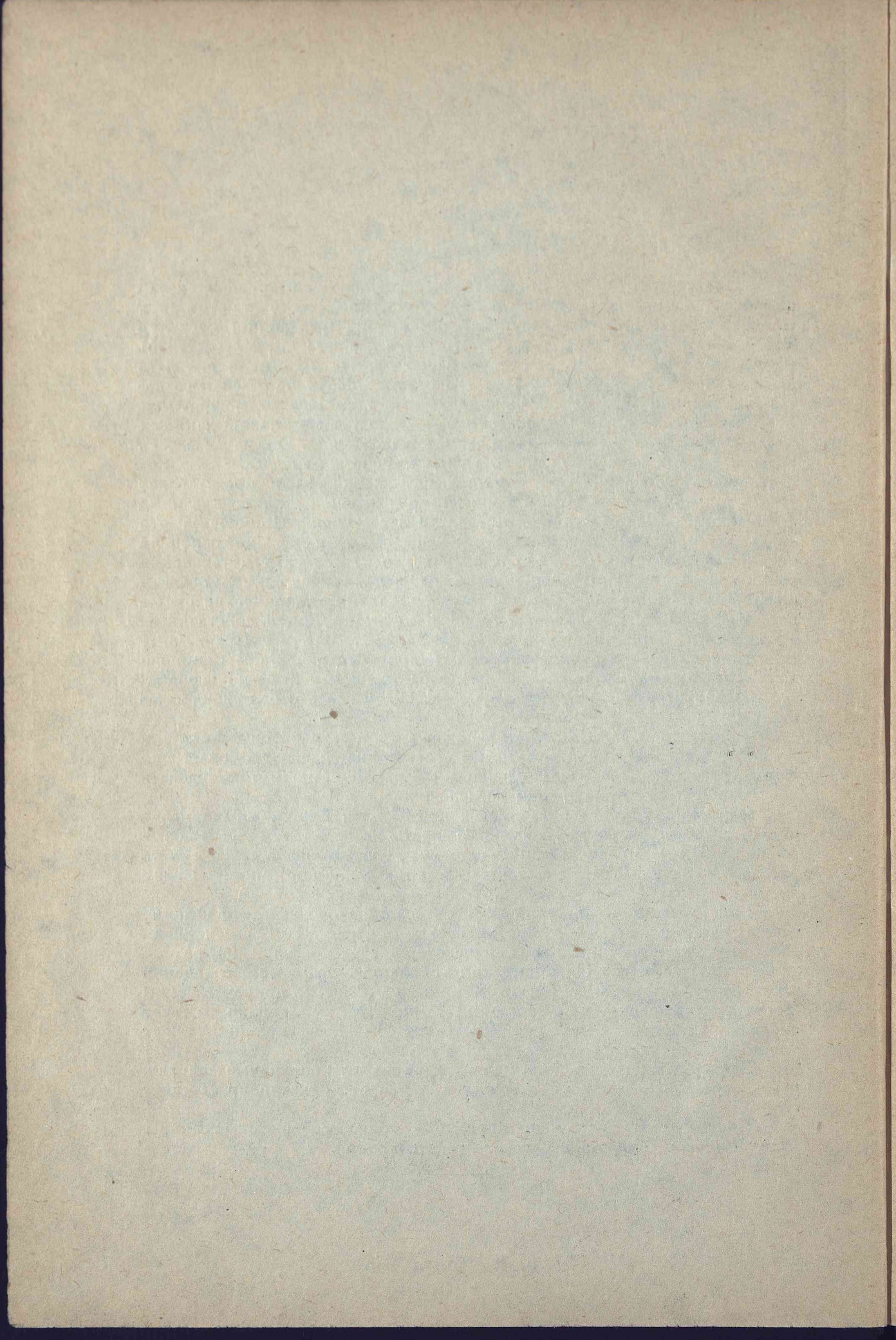
Таким образом наша работа носит характер материалов для истории Бурятии, написание которой может быть лишь несколько облегчено нашей работой, не могущей, однако, ни в какой степени претендовать на признание ее историческим исследованием.

О хрониках Тобоева (написана в 1863 г.) и Юмсунова (написана в 1875 г.) мы здесь подробностей сообщать не будем, так как таковые можно найти в предисловии к нашему изданию подлинного текста их. Там же сообщаются некоторые сведения о личности авторов этих хроник.

Напомним лишь для удобства пользования переводом, что издание текста было осуществлено по нескольким рукописным экземплярам названных хроник. Так как в переводе имеются ссылки на разные экземпляры, мы считаем необходимым разъяснить условные обозначения экземпляров. Хроника Тобоева издана по трем спискам, принадлежащим Институту востоковедения Академии Наук СССР. Экземпляр *A* имеет шифр Рукописного Отделения Института С 366, экземпляр *B* имеет шифр F 6, экземпляр *C* имеет шифр F 87.

Хроника Юмсунова была нами издана по двум спискам: экземпляр, условно обозначаемый нами *A*, имеет шифр F 88, а экземпляр *B* имеет шифр E 55.

Цифры, заключенные в круглые скобки, обозначают страницы изданного нами бурят-монгольского текста хроник.

ВВЕДЕНИЕ

В предисловии к изданию бурят-монгольского текста хроник мы указывали на значительный интерес, который эти сочинения представляют для историков Бурятии. Наш перевод делает хроники доступными теперь всем, и нужно надеяться, что со стороны специалистов в области истории Бурятии этот материал будет признан заслуживающим внимания.

Авторы хроник принадлежали к господствующему классу феодальной Бурятии второй половины XIX ст. Тобоев был с 1859 до 1878 г. главным тайшей агинских бурят, а Юмсунов был головою цаганского рода хори-бурят. Считаю нужным это здесь отметить и указать, что в силу этого обстоятельства далеко не все утверждения авторов хроник могут считаться объективными. Как лица, принадлежащие к господствующему классу, авторы наших хроник излагают разные события и освещают их со своей классовой точки зрения. Получая различные награды от властей в виде орденов, чинов и денежных подарков, тайша Тобоев не имел никаких оснований выступать против колонизаторской политики царизма. Исключительно верноподданническими являются также высказывания родового головы Юмсунова.

Бурятские тайши и другие сайты являлись активными проводниками колонизаторской политики царизма. Так, напр., известно, что тайша Дамбадугар Ринцеев оказал командированному в 1802 г. Сенатом чиновнику Лаба всяческое содействие в деле отчуждения бурятских земель для поселенцев. Между тем Тобоев очень кратко говорит лишь о том, что Ринцеев был за усердие пожалован чином надворного советника. Это усердие выразилось, как это можно установить на основании других источников, прежде всего в уступке принадлежавших бурятскому народу земель, но Тобоев — иного было бы и трудно ожидать — не расшифровывает употребленного им слова „усердие“. Точно так же Тобоев не говорит нам, в чем выразилось усердие тайши Жигжитова, удостоившегося в 1850 г. серебряной медали, а в 1852 г. пожалованного почетным кафтаном и, наконец, в 1857 г. чином коллежского регистратора. Впоследствии он был за какие-то неблагоприятные поступки от должности отстранен, что вынужден был упомянуть в своей хронике и Тобоев. Нужно полагать, что и усердие Жигжитова выразилось в каких-нибудь действиях, направленных, в сущности, против интересов бурятского народа. Тот же Тобоев говорит дальше, что тайша Очиров „имел от природы доброе сердце, вследствие чего он в 1858 г. удостоился серебряной медали, в 1859 г. — золотой медали и кортика, в 1861 г. — золотой медали и в 1863 г. удостоился чина коллежского регистратора“. Опять-таки мы ничего не узнаем о том, в чем выражалась сердечная доброта Очирова. Не подлежит, однако, никакому сомнению, что награды эти он получал не за свое доброе сердце, но за нечто более существенное для властей.

Со своей классовой точки зрения „добросердечным“ был и автор хроники Тобоев. Прежде всего, он происходил из весьма добропорядочной, с этой же точки зрения, семьи. Его предок Хабанши служил

в 1705 г. проводником при полковнике Скрипицыне, и за разные услуги, которые он оказал Скрипицыну в пути его следования, он получил, по представлению воеводы Головина, награду — льготы по податям и другим повинностям, при соответствующей высочайшей грамоте. Потомки Хабанши и предки Тобоева составляли своеобразный правящий дом, ибо большинство предков Тобоева были зайсанами. Так, напр., зайсаном был уже Хидан, сын Хабанши, зайсаном были и сын и внук Хидана. Тобоев происходил, таким образом, из семьи потомственных зайсанов. Свою карьеру он начал рано: в 1814 г. он был писарем главного агинского зайсана, а с 1819 г. стал зайсаном восточно-хуацайского рода. Вторым тайшей он стал в 1842 г.

Себя самого Тобоев тоже причисляет к лицам „усердным в службе“. Поэтому он еще в 1849 г. удостоился награды в виде серебряного кортика. В виду того, что он и в дальнейшем исполнял свои обязанности с неукоснительным „усердием“ и, в частности, осуществил ряд мероприятий в области развития земледелия, он получил серебряную медаль на анненской ленте, чин коллежского регистратора и был произведен в 1858 г. в „кавалеры ордена Станислава третьей степени за то, что исполнял хорошо службу“. Получал он также денежные награды. „Кроме того он получает ежегодно благодарности от высшего начальства за неукоснительность в податях, повинностях, а также различных прочих казенных делах“, — говорит он о самом себе.

Нам кажется, Тобоев довольно ясно, хотя и помимо своего желания, раскрывает нам, в чем заключалось его усердие: во-первых, неукоснительность в податях и повинностях, другими словами жестокая эксплуатация трудящихся масс путем усиленного выколачивания налогов; во-вторых, различные мероприятия в области развития земледелия, как, напр., сооружение сенохранилищ и т. д. Последнее, казалось бы, должно рассматриваться как факт положительный не только с классовой точки зрения тайши Тобоева, однако, мы знаем, что этого рода мероприятия были направлены исключительно на усиление мощи крупных хозяйств бурятских нойонов и народившегося уже в конце XIX в. бурятского кулачества. Тобоев, точно так же как и представители другого правящего дома хоринских бурят — Шодо Болторикова, был верным проводником политики царизма. Усердие и различного рода проявления добросердечности этих представителей господствующего класса бурятского нойонства расшифровываются поэтому самым определенным образом.

Как бы тенденциозны и односторонни ни были хроники Тобоева и Юмсунова, они все же сообщают ряд сведений, являющихся ярким материалом для разоблачения деятельности некоторых тайшей и других представителей господствующего класса Бурятии второй половины XIX в. Хроники содержат множество данных, рисующих нам чудовищную коррупцию тайшей и прочих власть имущих. Особенно отличились в этом отношении тайши Дэмбил Галсанов (был тайшей с 1815 по 1818 г. и с 1819 по 1822 г.) и его сын Ринчиндоржи Дэмбил (был тайшей с 1838 по 1849 г.). Тобоев говорит, что Галсанов был за усердие удостоен серебряной сабли и чина титулярного советника, что он, однако, оказался грубого и жестокого нрава и подвергал побоям безвинных, забирал силой чужое имущество и произвольно взимал подати. Особенно возмутительный факт, являющийся ярким проявлением самодурства тайши Галсанова, описывается у Тобоева в связи с рассказом об освящении Агинского дацана. Тобоев сообщает, что ночью Галсанов, верхом на коне, избивал плетью прибывших на торжество. Этот же Галсанов занимался вымогательством, о чем свидетельствует тот же Тобоев, сообщающий, что у некоего Налбэнова он силой взял коня и дал заседателю Решет-

никову взятку конями, принадлежавшими Нэлбэнову. Сын Галсанова — Ринчиндоржи — унаследовал все непривлекательные черты своего отца. По словам Тобоева, он был корыстолюбив и занимался незаконными поборами. Чтобы упрочить свое положение, несколько поколебленное поданными на него жалобами, он отправился в Петербург, представился Николаю I и окрестился. Впоследствии, однако, за совершенную растрату казенных денег и поджог степной думы Дэмбиллов был смещен и предан суду. Эти факты, не скрываемые авторами наших летописей, — их было бы впрочем трудно скрыть — вносят существенные коррективы в то, что говорится о тайшах в других местах летописей. Вместе с тем факты, сообщаемые нашими летописцами, на общем фоне исключительно благожелательного отношения авторов к описываемым действующим лицам становятся еще более яркими.

Таким образом летописи, авторы которых являются представителями господствующего класса феодальной Бурятии, дают, несмотря на их тенденциозность, интересный материал для суждения о нравственном облике бурятских вождей XIX ст.

Авторы летописей уделяют много внимания истории буддийской церкви в Бурятии: они прослеживают проникновение туда буддизма, дают краткую историю строительства дацанов и сообщают некоторые сведения о наиболее крупных деятелях ламайской церкви Бурятии прошлого. Являясь и здесь необъективными, авторы хроник некоторые исторические факты даже искажают. Говоря о верованиях, Юмсунов, напр., утверждает, что сначала хори-буряты исповедывали буддизм и что лишь впоследствии они переняли шаманство от западных бурят. Это, конечно, неверно. Стремясь, очевидно, доказать приоритет буддизма, а следовательно, его преимущества как исконной хори-бурятской религии, Юмсунов здесь искажает факты. На самом деле все буряты были первоначально шаманистами, и лишь с конца XVII ст. некоторые из восточных бурят могли познакомиться впервые с буддизмом. И Тобоев и Юмсунов относятся резко отрицательно к шаманству. Шаманов они называют лжецами и обманщиками и приписывают им различные пороки. Так, напр., Тобоев говорит, что они „завистливы, злобны и привержены к водке и табаку“. Тобоев даже отказывается признавать шаманство религией. Говоря в отрицательных тонах о шаманах и шаманках, авторы хроник, конечно, правы. Но они ничего не говорят об отрицательных сторонах ламства. Наоборот, они его всячески превозносят и говорят все время о пользе, которую приносит буддизм живым существам. Конечно, нельзя отрицать того, что буддизм в известный момент истории Бурятии явился прогрессивной силой. Дацаны развивали переводческую и, вообще, литературную деятельность, при них существовали школы, которые, при отсутствии светских школ, являлись некоторыми рассадниками грамотности. Наконец, ламы занимались врачеванием. Мы не желаем преувеличивать значение всего этого и переоценивать, в частности, значение ламской медицины. Однако мы не можем не согласиться с тем, что, по сравнению с примитивным шаманством, ламство было более культурным и что буддизм, явившийся на смену шаманизма, принес с собою зачатки каких-то знаний, литературы и т. д. Вместе с тем мы, однако, не забываем об эксплуататорской роли ламства. Авторы наших хроник делают упор на то, что положительным образом отличает ламство от шаманов. Однако, они не говорят о том, что в одном пункте ламы и шаманы принципиально ничем не отличаются друг от друга: имеем в виду их эксплуататорскую сущность. Постройка дацанов и содержание лам стоило бурятскому народу даже гораздо больше, чем подношения шаманам. Если шаману давалась овца или устраивалось жертвоприно-

шение в виде нескольких голов скота, то эти расходы были эпизодическими. Между тем ламы и дацаны содержались постоянно, не говоря уже о размерах единовременных затрат на дацаны.

Так, напр., постройка в 1808 г. Анинского дацана была осуществлена на пожертвования тайши Ринцеева в сумме 33 162 р. 50 к. и тайши Мардаева в сумме 12 103 р. 12 к. Впоследствии на обновление его было израсходовано свыше 25 тыс. рублей добровольных пожертвований разных лиц. Среди жертвователей были и тайши и другие богачи, однако происхождение их богатств во многих случаях достаточно известно, чтобы не сомневаться в том, что на подобные предприятия расходовались огромные народные средства. Почти исключительно на народные пожертвования был построен в 1816 г. Агинский дацан, на что было израсходовано 49 630 р. Между тем, по данным 1823 г., агинских бурят было всего 7830 душ мужского пола. Таким образом средний расход на дацан на одного человека приходился по тем временам не малый. Кроме того, общеизвестным фактом является то, что приходилось содержать лам, не говоря уже о разных единовременных подношениях и о плате за лечение, за разного рода молебствия и т. д. Наконец, известны также факты возмутительных злоупотреблений и даже преступлений в ламской среде. Об этом ни Тобоев, ни Юмсунов ничего не пишут. В разных архивах сохранились, однако, любопытные документы, проливающие свет на разные стороны деятельности лам в дореволюционной Бурятии. В частности, имеются документы, доказывающие, что ламами нарушался обет безбрачия и что их безнравственный образ жизни не мог действовать облагораживающим образом на дикость и первобытность нравов шаманистов.

Довольно характерным является в этом отношении дело некоей „дочери ясашного Унура Хураева Бальжит“, начинающееся отношением Забайкальского областного управления от 20 января 1854 г. за № 4 (Центральное архивное управление Бурят-Монгольской АССР). Отношение это послано пандита хамбо ламе. Содержание его следующее:

„Хоринского ведомства, зун-хараганайского рода, ясашного Унура Хураева дочь Бальжит Унурова вошла ко мне с просьбою, в коей описывает, что отец ее Унур Хураев, еще в малолетстве просватав ее за сына засула зун-кублутского рода Бадмы Занданова Одуя и по бурятским обрядам получив в подарок несколько голов скота, в 1851 году, летом, для отдачи в замужество за означенного Одуя, доставил ее с юртой и другим имуществом к упомянутому засулу Занданову, у которого, отпировав и устроив в его дворе юрту, оставил ее тут, как сделавшуюся невесткою Занданова.

„Со времени прибытия ее к этому Занданову она не видала женившегося на ней Одуя, но второй сын засула Занданова, лама Онинской кумирни, мэдэчи Самдав Занданов, имеющий у себя жену и детей, решился ей говорить, что муж ее, приняв христианскую веру, наваялся в солдаты и что будто бы мужем будет этот лама, а она будет его второю женою.

„Но как она на это не согласилась, то он нанес ей разные дерзости, ругательства и побои. Весною 1852 г. она, съездивши в гости на родину, обеременела, а зимою того же года родила девочку. Сделавшись с дитятей без мужа и считая себя в этом случае нарушительницей закона, она оставила малютку у свекра своего, засула Занданова, а сама отправилась прошедшею осенью на свою родину и не возвращалась назад.

„В начале же нынешней зимы лама Занданов, приехав к ней, приказывал ей ехать к нему, объявив при том, что она будет жена его

Это была демоверсия книги - Летописи хоринских бурят

С полной версией книги, Вы можете ознакомиться в нашей библиотеке по адресу: Забайкальский край, г. Чита, ул. Ангарская, д. 34